

О. Г. УСЕНКО

Тверь

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ К. БУЛАВИНА

То немногое, что мы знаем о жизни К. А. Булавина до октября 1707 г., является предметом научных дискуссий. Точно не известно его социальное происхождение и место рождения, отношение К. Булавина к “старой вере” и уровень его образования. Вызывает споры датировка его атаманства на Бахмуте (1704–1706 или 1705–1707). Кроме того, исследователи по-разному отвечают и на вопрос, как в это время К. Булавин был настроен – бунтарски или же лояльно – по отношению к правительству и царю. Наконец, требуют проверки утверждения некоторых авторов, что Булавин был знаком с гетманом Г. Мазепой и участвовал в Крымских и Азовских походах.

Если говорить об атаманстве К. Булавина в Бахмутском городке, то вряд ли оно началось в 1702 г., сразу после

[с. 264]

строительства городка, поскольку в источниках упоминается, что первыми его жителями были сухаревские казаки, а Булавин был из Трёхизбянской станицы. Трёхизбянские казаки, наряду с краснянскими, сухаревскими и боровскими, упоминаются среди жителей Бахмута под 1704 г. Однако есть основания полагать, что К. Булавин стал здешним атаманом годом ранее, так как уже в 1703 г. в Бахмуте жили “старожилые” казаки разных станиц. Атаманские полномочия К. Булавин сложил в феврале 1707 г., когда его сменил “знатный” черкасский казак Семён Кульбака.

Поскольку Булавин, будучи атаманом Бахмута, руководил полноправными казаками (а не “голытьбой”, как утверждают некоторые авторы), очевидно, и сам он принадлежал к их числу. Однако он был не “природным”, а “старожилым” казаком. Имеется свидетельство, что К. Булавин “природою подлинно салтовец из русских людей”. Это подтвердила на допросе и жена Булавина, сообщив, что “муж её жывал в Чугуеве и в Салтове”.

К сожалению, о жизни К. Булавина до 1705 г. больше известий нет. Значит, мнение, будто он участвовал в Крымских или Азовских походах и был знаком с Г. Мазепой, ни на чём не основано. В то же время отсутствие явно выраженной информации о Булавине можно частично компенсировать, если обратить внимание на его фамилию и на то, в каких вариантах она зафиксирована источниками.

Известно лишь два варианта его фамилии: “Булавин” и “Буловин”. При этом обращает на себя внимание тот факт, что оба наименования – это именно фамилия, а не отчество (ср.: Иванов, Григорьев) и не прозвище (ср.: Кочетов – от “Кочет”, Зерщиков – от “Зерщик”). Разумеется, и “Булавин” произошло некогда от “булава”, но главное в том, что применительно к носителю этой фамилии никто ни разу не употребил подобное прозвище. Для сравнения: войсковой старшина Илья Зерщиков звался также Зерщиком и Григорьевым (по отцу). Что же до К. Булавина, то случаев, когда бы его звали К. Афанасьевым, не зафиксировано.

[с. 265]

Возникает предположение, что К. Булавин происходил не из податного сословия, а из “детей боярских”.

Косвенным подтверждением данной гипотезы служит повседневное именование в казачьей среде представителей рода Боруных. Глава семейства – Зиновий Боруный – до ухода на Дон был в “детях боярских”. И его самого, и его сыновей называли только по фамилии, которая, кстати, вряд ли выводима из какой-либо клички.

Обоснованию гипотезы помогают и документальные материалы, в которых под 1670 г. упоминается Василий Лазарев сын Булавин, отслуживший к этому времени в детях боярских “по городу по Воронежу 13 лет”. Он имел небольшое поместье в с. Подхлевном Карачунского стана. По документам 1675 г. это поместье оказывается принадлежащим Ивану Булавиному, который, впрочем, уже в 1677 г. числится вместе с Василием Булавиным (братом?) среди детей боярских, не имеющих крестьян.

Остановимся теперь на действиях К. Булавина в период его атаманства на Бахмуте. Арест дьяка А. Горчакова, приехавшего 3 июня 1706 г. по указу Ф. Апраксина, чтобы сделать опись ущерба, нанесённого Изюмскому слободскому полку, был произведён Булавиным в соответствии с предписаниями войскового права. Казаки потребовали предъявить им царский указ, а когда узнали, что у дьяка его нет, заявили, “что они без ведома ис Черкасского на Бахмуте описывать и осматривать и ничего делать не дадут, и писали о том в Черкасское. И около постоялова двора поставили караул многолюдством с ружьем... А ево, Алексея, и с солдаты с постоялова двора не выпустили восемь дней и велели дожидатца против своего письма из Войска ведомости”. 11 июня в городок прибыли трое черкасских старшин с войсковой отпиской. Они публично одобрили действия К. Булавина и заявили дьяку, “что де им войсковой атаман Лукьян Максимов со всем Войском приказывали словесно, чтоб тех соляных заводов описывать и осматривать они не давали...” Таким образом, в 1703–

[с. 266]

1706 гг. К. Булавин просто выполнял свой казачий долг, он о восстании не помышлял и бунтарём не был.

Не был он и “старовером”. Во-первых, открыто придерживаться раскола было опасно: с 1688 г. “староверы” на Дону преследовались и подлежали казни. Во-вторых, вряд ли К. Булавин был тайным раскольником. Сохранилось “Дело по прошению Бахмутской станицы атамана Кондратя Булавина с товарищи о посвящении оной станицы дьячка Ивана Гаврилова в попы... о постройке церкви во имя Иоанна Предтечи и о даче для оной церковной утвари”. Челобитная бахмутских казаков о поставлении И. Гаврилова в попы датирована 10 декабря 1705 г. Ещё одну челобитную – о разрешении построить церковь и о снабжении её всем необходимым – К. Булавин подал 29 января 1706 г., когда находился в Москве в составе “лёгкой станицы”. Разумеется, раскольники вряд ли стали бы просить у “никониан” церковную утварь и антиминс.

Кстати, изучение этого дела показывает, что К. Булавин был неграмотным, поскольку под челобитными “по его велению” подписывались другие.

[с. 267]
